

Заглавие элегии: атавизм или жанровый маркер

Статья посвящена жанровым заглавиям в лирике конца XX – начала XXI вв. на примере жанра элегии. Среди всего многообразия подходов к исследованию современных жанров автор останавливается на концепции жанровой преемственности, идее трансформации жанров. И поскольку внутренняя мера жанра предполагает варьирование жанровых признаков, бывших неизменными в каноне, то «узнавание» жанра зависит от непосредственных жанровых маркеров. Одним из важнейших маркеров жанра сегодня является жанровое заглавие, формирующее предпонимание текста. В случае, когда жанровые признаки трансформируются, замещаются на противоположные (как, например, появление иронии в оде или высмеивания прошлого в элегии), заглавие становится единственным знаком следования одической традиции.

Ключевые слова: жанр, канон, внутренняя мера жанра, заглавие, элегия.

Жанровый вопрос сегодня находится в активной разработке, может быть, потому, что «теория жанров стала тем местом, где решается судьба экзистенциального объема и содержательной дефиниции литературы»¹. Игра с жанром в современной литературе – попытка «удержать “расходящиеся концы ножниц” между собственным «я» и языком, ведущим поэта за собой»². Относительно лирических текстов XX века у исследователей нет единого мнения: либо речь идет о том, что «лирика внежанрова»³, либо о том, что жанры нарушены, вывернуты наизнанку, «развитие жанра – ломаная линия»⁴, либо о том, что жанры трансформируются, жанровый канон уступает место внутренней мере жанра. В последнее десятилетие появился даже термин «антижанр»⁵, что свидетельствует о специфике осмысления в литературоведении жанровой ситуации.

Однако отказываться от жанров в современной лирике было бы опростетчиво. По замечанию В.И. Козлова, «жанр действительно в неканоническую эпоху перестал функционировать в качестве литературной нормы, но как особый способ “художественного завершения” <...> он не исчезал»⁶.

Во-первых, жанр – способ организации текста автором и законы восприятия текста читателем. Поэтому текст вне жанра невозможен⁷.

Во-вторых, жанр – категория изменчивая, в разные эпохи он проявляет себя по-разному, и разговор о сегодняшних жанрах необходимо вести, учитывая сегодняшнюю литературную ситуацию. Неслучайно во второй половине XX века стала распространяться мысль о том, что «в новейшей литературе правилом становится само нарушение правил»⁸.

В-третьих, авторы XX–XXI вв. продолжают маркировать свои тексты жанровыми заглавиями и подзаголовками, акцентируя внимание читателей на известных правилах.

Важно то, что «...по отношению к литературе XIX–XX вв. в особенности распространено мнение о разрушении жанров и внежанровом характере произведений, но в действительности речь идет об устаревании жанровых канонов, которые сменяются другими константными структурами...»⁹.

Такой константной, конвенциональной структурой сегодня стала внутренняя мера жанра – «принцип не воспроизведения, но конструирования художественной структуры на основе полемики с предшествующей жанровой традицией и с учетом “жанровой памяти” гипотетического и реального читателя»¹⁰.

То, что для одной эпохи представлялось неизменным, для другой является необязательным, а «механическое перенесение конвенции одной эпохи на другую влечет неоправданные смещения»¹¹. Жанровая природа сохраняется, но «канон жанру не тождествен»¹², а, следовательно, возможен отказ от мышления художественным каноном, но не художественным жанром: «Канон... охватывает все художественные нормы (в том числе и жанровые), что заданы как образцы для подражания. Но жанр как тип художественной целостности, создающий определенный образ миропереживания, в лирике остается всегда, лишь становясь структурно более гибким и исторически динамичным»¹³.

Если в каноническую эпоху именно канон жанра делает текст «художественным», то в неканонические эпохи разговор о жанре гораздо сложнее. Так, концепция Е.Е. Завьяловой основана на «теории одновременного существования канонических и неканонических жанров»: «первые ориентированы на устойчивую,

постоянно воспроизводимую систему признаков произведения... вторые не продуцируют готовые, унаследованные формы художественного целого»¹⁴.

Поэтому канонический жанр в неканоническую эпоху может сохраняться и воспроизводиться, а может видоизменяться, при этом жанровый канон замещается либо жанровым законом, который можно нарушать, сохраняя обязательные жанровые признаки и варьируя факультативные, либо внутренней мерой жанра, предполагающей игру с традицией и трансформацию любых признаков вплоть до жанрового ядра.

Подтверждением данных размышлений может послужить материал жанра элегии. Так, С.В. Горин (вслед за Н.Д. Тамарченко) считает, что на смену жанровому канону элегии приходит внутренняя мера жанра, которая и позволяет выявить формально-содержательный инвариант элегии сегодня¹⁵.

Интересно, что изначально канон элегии предполагал жанровое озаглавливание, которое, правда, могло замещаться жанровой рубрикой раздела. Однако уже А.С. Пушкин в сборнике 1826 года, при сохранении жанровых рубрикаций, в разделе «смесь», публикует текст с заглавием «Элегия», не вошедший в одноименную жанровую рубрику (а в сборнике 1829 года жанровых рубрик нет вообще)¹⁶. Впрочем, каноническая элегия узнается читателем без озаглавливания за счет особого эмоционального настроения (печаль) и, соответственно, ряда образов, этот настрой провоцирующих: имеется в виду «ряд традиционных элегических локусов (кладбище, руины и т.п.)»¹⁷.

В качестве жанровых доминант элегии можно назвать «элегический хронотоп, основанный на совмещении временных планов (прошлого и настоящего)... Традиционализм жанровой формы элегии выражается в известной формульности (образы «забвенья» и «прекрасного света», тумана и кладбища, «бледной луны» и «уходящего солнца», вечера и заката) и устойчивости мотивного комплекса (мотивы одиночества, странничества, изгнания, бренности человеческого существования, воспоминания об ушедших годах)...»¹⁸.

Тоска в настоящем по прошлому обнажает суть элегического жанра в XIX веке, становится «временной литературной нормой», а не жанровым ядром. Жанровое ядро элегии – принципиальное несовершенство мира, неидеальность, осознаваемые лирическим субъектом. Именно поэтому элегия так востребована сначала в романтизме, затем в лирике Серебряного века, а затем в поэзии постмодернизма. Казалось бы, жанровая маркировка при таком четком эмоциональном рисунке стихотворения избыточна. Но

здесь же таится и опасность: любое ли стихотворение о печали и несовершенстве бытия считается элегией? Или необходимо говорить об элегическом модусе многих стихотворений, почти никогда не озаглавленных, как о своего рода семантическом «шлейфе» жанра элегии. Но при отсутствии ориентировки на жанровый канон современные тексты вполне могут оказаться вариацией жанра элегии.

Жанр мыслится чаще всего как информация «о способе понимания предложенного текста»¹⁹. Безусловно важна в этом случае авторская декларация жанра при прочтении произведения, об этом, например, пишет Л.Г. Кихней: «В читательском восприятии обозначение жанра художественного текста в заголовочном комплексе уже несет информацию. Читатель обладает предыдущим опытом знакомства с аналогичными произведениями и как бы идентифицирует данный текст с уже известными ему образцами, бытующими в литературном обиходе его времени и уходящими корнями в традицию. Жанровое же обозначение в заголовочном комплексе (“раме”) произведения или цикла служит не только сигнализатором его метасмысла и эмоциональной тональности, но и реанимирует “память жанра”»²⁰.

Да, изначально заглавие элегии не входит в каноническую структуру. Вместо заглавия вполне могла быть жанровая рубрика стихотворных сборников, а позднее – позднеромантические мотивы элегии (кладбище, тоска по прошлому и т. п.) маркировали жанр.

Однако когда канон сменяется внутренней мерой жанра, заглавие становится одним из жанрообразующих признаков элегии (как, впрочем, и других жанров). И дело не в том, насколько точно (или, наоборот, метафорично) называется автором жанр, а в том, что жанровая маркировка автором становится основой предпонимания текста, связывает в сознании читателя абстрактную внутреннюю меру жанра и его конкретное воплощение. Вспомним, как в комедии Б. Шоу «Первая пьеса Фанни» театральный критик отказывается оценивать пьесу прежде, чем узнает авторское определение жанра. Именно жанровое заглавие формирует предпонимание текста²¹.

В этом случае заглавие стихотворения И. Бродского «Почти элегия» (1968) указывает одновременно и на жанр, и на авторскую его вариацию, неканоническое понимание, и на рефлекссию современного поэта о понимании читателем этого текста, поскольку лишь «безадресная искренность» языка «взаимна».

В былые дни и я переживал
холодный дождь под колоннадой Биржи.
И полагал, что это – божий дар.
И, может быть, не ошибался. Был же
и я когда-то счастлив. Жил в плену
у ангелов. Ходил на вурдалаков.
Сбегавшую по лестнице одну
красавицу в парадном, как Иаков,
подстерегал. Куда-то навсегда
ушло все это. Спряталось. Однако,
смотрю в окно и, написав «куда»,
не ставлю вопросительного знака.
Теперь сентябрь. Передо мною – сад.
Далекий гром закладывает уши.
В густой листве налившиеся груши
как мужеские признаки висят.
И только ливень в дремлющий мой ум,
как в кухню дальних родственников – скарעד,
мой слух об эту пору пропускает:
не музыку еще, уже не шум.

Осень 1968²²

Формула заглавия «Почти элегия» показывает разницу канона и его вариации сегодня. Других механизмов, связывающих авторскую рефлекссию и читательское восприятие, «память жанра», в неканонических структурах просто нет.

Так, стихотворение Бориса Попова отталкивается от жанрового канона уже потому, что элегическая «жалоба» осознается лирическим субъектом как богохульство. Стихотворение при этом озаглавлено «Ночная элегия»²³:

Н. Прижмись к окошечку метро,
Не хулиганствуй,
Когда вокруг мертвым-мертво
Лежит пространство.
Когда в ночи дрожат лучи,
Почти, как пульс твой –
Прижмись к окошку и молчи,
Не богохульствуй.

«Не богохульствуй» в данном случае относится именно к стремлению противопоставить идеал реальности, погрузиться о прошлом, написать элегию. Герой вдруг осознает, что лучше жить полной жизнью, чем тосковать по идеалу, приближая себя к смерти:

Пускай она тебя юней,
 Жена чужая –
 Зачем же жить на склоне дней,
 Себя сжигая?
 <...>
 Там только склизистая тьма,
 Зола предгорий,
 А здесь и горе от ума,
 И ум от горя.
 А здесь и осень, и весна,
 Сбор урожая.
 Да и, в конце концов, она –
 Жена чужая.

Благодаря механизму жанрового озаглавливания перед читателем предстает картина «отталкивания от элегии», поиска новых путей жанрового мышления.

Так, заглавие цикла Г. Сапгира «Элегии» дает жанровый ключ к прочтению стихотворения «О смерти»: осознание смертности героя одновременно с осознанием жизни:

Оса искала следы какао – ползет – по липким доскам дачного
 стола – детсад – отклеивая лапки – разглядываю близко-близко – на
 жопке ядовито-желтые полосы – ужасно хочется потрогать И больше
 ничего не помню кроме большого страха в темном доме – когда про-
 снулся ночью весь в слезах – и понял – это Я – и все что происходит –
 в самом деле – со мной – в трусах и майке – трет резинка – Я – а не
 другой умру – Меня не станет – МЕНЯ на самом деле – а не того о ком
 я думал – это я –

<...>

Сегодня выйдя из метро – троллейбус липы ресторан СОФИЯ –
 улицу я знаю наизусть – впервые ощутил – (продажа мужских нос-
 ков – отмеченные солнцем лица – скучающая продавщица) – что это
 ЕСТЬ – и только ЭТО – реальность из которой хода нет – улица уста-
 ло клонилась к западу – недоуменье оставило – поток машин вливался
 в солнце что стояло над шпилем Белорусского вокзала – сияла каждая
 пылинка – и было счастье! – к вечеру слышнее пахли липы – сознание
 что вижу и дышу – на самом деле – и что умру Я а не кто другой²⁴.

Безусловно, перед нами элегия, но элегия неканоническая, отталкивающаяся от жанрового канона. Заглавие позволяет этот механизм отталкивания увидеть.

Интересно, что относительно элегий конца XX–XXI веков появляются такие жанровые заглавия (с сайта Стихи.ру²⁵):

Сообщающие примерное соотношение с каноническим жанром: С.Л. Мелиоранский «Типа элегия», Арсений Загаенский «Типа элегия», Иньян Дзен «Типа элегия», М. Леонтьев «Что-то вроде элегии» (два одноименных стихотворения), М. Васков «Вроде элегии что-то».

Заявляющие тавтологическое соответствие жанра и темы: В. Клементьев «Элегия грусти».

Акцентирующие внимание на невозможности канонического жанра и замене его чем-то иным: Д.А. Денисов «Вместо элегии», И. Башманов «Вместо элегии», О.В. Кириллова «Не элегия», В.Ю. Бабанов «Антиэлегия», И. Радион «Антиэлегия», И. Плетинский «Антиэлегия», В. Татьянин «Антиэлегия».

Таким образом, жанровое заглавие, необязательное в каноническую эпоху, становится если и не непременно, то важным жанровым маркером, ибо только оно позволяет связать неканонический текст с предшествующей жанровой традицией, активировать «жанровую память» читателя.

Примечания

- ¹ Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 10.
- ² Фоменко И.В. Три статьи о поэтике: Пушкин. Тютчев. Бродский. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 31.
- ³ Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Intrada, 1997. С. 21.
- ⁴ Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. С. 147.
- ⁵ Балашова Е.А. Функционирование русской стихотворной идилии в XX–XXI вв.: вопросы типологии: Дис. ... докт. филол. наук. Калуга, 2015. С. 271.
- ⁶ Козлов В. Использовать при прочтении. О жанровом анализе лирического произведения // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 130.
- ⁷ См.: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Лит. учеба. 1978. № 1. С. 200–219.
- ⁸ Субботин А.С. О поэзии и поэтике. Свердловск: Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1979. С. 74.
- ⁹ Артёмова С.Ю. Канон жанровый // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada, 2008. С. 90.
- ¹⁰ Артёмова С.Ю., Миловидов В.А. Внутренняя мера жанра // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada, 2008. С. 40–41.
- ¹¹ Лесничева О.К. Категория литературного жанра // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. СПб.: Изд-во «Ютас», 2010. С. 15.
- ¹² Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург: УрГПУ, 1996. С. 19.

- ¹³ *Лейдерман Н.Л.* Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 6–7.
- ¹⁴ *Завьялова Е.Е.* Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов. Астрахань: Астраханский университет, 2006. С. 10.
- ¹⁵ См.: *Горин С.В.* «Внутренняя мера» элегического жанра в новоевропейской литературе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 139–145.
- ¹⁶ См.: *Сидяков Л.С.* «Стихотворения Александра Пушкина» и русский стихотворный сборник первой трети XIX века // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. статей. Псков: ПГПУ им. Кирова, 1994. С. 44–57.
- ¹⁷ *Топя В.И.* Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. С. 135.
- ¹⁸ *Боровская А.А.* Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2009. С. 11.
- ¹⁹ *Балашова Е.А.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁰ *Кихней Л.Г.* Жанровое своеобразие «эпитафической» лирики Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 3. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 35.
- ²¹ *Чернец Л.В.* Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: МГУ, 1982. С. 3.
- ²² *Бродский И.* Почти элегия // Бродский И. Сочинения: В 7 т. / Под общ. ред. Я.А. Гордина. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. Т. 2. С. 225.
- ²³ *Попов Б.* Ночная элегия [Электронный ресурс] // Lib.ru: «Современная литература». Попов Б. На уровне разлуки. Избранные стихотворения. URL: http://lit.lib.ru/p/popow_b_e/text_0070.shtml (дата обращения: 26.02.2017).
- ²⁴ *Сапгир Г.* О смерти // Сапгир Г.В. Складень. М.: Время, 2008. С. 144.
- ²⁵ Портал Стихи.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/poems/list.html> (дата обращения: 26.02.2017).